

ОТ ЦЕНТРА ИМПЕРИИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ СТОЛИЦЕ

О. И. Шкаратан

В послереволюционное время лучшие архитекторы и градостроители мечтали создать в России прекрасные города на основе ликвидации частной собственности на землю и недвижимость. На примере Москвы в статье показаны реальные итоги многолетнего трагического для людей социального эксперимента. Однако автор описывает и не очень-то вдохновляющие первые шаги новой посткоммунистической городской администрации. В то же время он убежден, что объективное течение событий, раскрепощение людей в становящемся обществе собственников приведет к ренессансу Москвы, как и других русских городов.

Проекты послереволюционных лет.

После октябрьского переворота 1917 г. политика в области развития городов, жилищного строительства, городского хозяйства носила на себе большей частью отпечаток двойственности. С одной стороны, как бы развивая романтические идеи социалистов-утопистов, нашедшие определенное продолжение и в работах Маркса, Энгельса, Ленина, архитекторы, городские власти стремились реализовать веру и надежду людей в образцовые города, города-сады.

Имелось в виду, что нужно преодолеть такие катастрофические последствия капиталистического развития городов как их экологический кризис, несправедливое распределение жилища, при котором одни жили в прекрасных домах, окруженных парками, а другие — в трущобах, где часто умирали дети и не могли полноценно отдыхать взрослые после работы, где район от района отличались и удобствами жизни, и чистотой воздуха, и степенью безопасности проживания. Все эти трудности предполагалось преодолеть очень быстро, в ближайшие же годы, прежде всего, благодаря переходу от частной к государственной собственности на землю и недвижимость.

Эту линию, которую можно определить как линию на создание "голубых городов", воплотить в жизнь практически никогда не удавалось. Тем не менее, элементы этого подхода прослеживаются в проектах, начатых еще в 1918 г. и продолжавшихся до начала 1930-х гг., затем возобновленных при Н. Хрущеве, в середине 1950-х гг. Уже весной 1918 г. был составлен проект перепланировки Москвы; в 1923-1924 гг. выдающийся архитектор А. В. Щусев написал ряд статей о будущей Москве. Он предусматривал рост населения до 5 млн. человек, формирование промышленной зоны на юго-востоке города, устройство парков в самом городе и зеленого пояса вокруг него, высотные дома-башни, создание университетского кампуса, строительство метрополитена и т. д. Основные интуитивные догадки Щусева позднее вошли в первый Генеральный план развития

Москвы (1935 г.). Я должен заметить, что лучшее из сделанного в Москве за все годы советского режима, было развитием и воплощением замыслов А. В. Щусева и других дореволюционных архитекторов, уверовавших в творческую силу революции (И. В. Жолтовский, В. А. Розов, Б. В. Сакулин и другие) (1).

Однако, и в этой романтической и, казалось бы, гуманистической линии прослеживалась уже тогда губительная черта, присущая большевизму во всей его практике — насильственность реализации идеала, навязывание идеала и людям, и среде их обитания. Особенно наглядно это проявилось при решении проблемы дома будущего, дома нового быта. Эти проекты основывались на идее, что семье не нужна полноценная жилая ячейка, включающая возможность приготовить пищу, иметь собственное имущество и т. д. Считалось, что дети должны воспитываться в общественных учреждениях, питаться нужно в общественных столовых, а дома, максимум что нужно, согреть, скажем, утренний чай, съесть бутерброд и бежать на работу. Вот эта идея коммунализации быта привела к постройке домов, неудобных для жизни, которые очень быстро превращались в трущобы, куда съезжалась постепенно малообеспеченная часть населения. Эти дома состояли из комнат и блока общественного обслуживания, вынесенного за пределы семейного жилища и отвратительно организованного. Такие дома 1920-х и 1930-х гг. отличались от построек 1960-х и 1970-х гг. лишь степенью зажиточности. Но основной замысел сохранялся прежним. Человек рассматривался как работник и политический активист. Значение личной жизни, роль семьи всячески принижались. В 1920-е — 1930-е гг. это привело к тому, что семья становилась все менее устойчивой, особенно в Москве и других крупных городах. Эту первую, романтическую линию воплощали собой, как правило, коммунисты — выходцы из дореволюционной интеллигенции, а также соединившиеся с ними представители старой интеллигенции демократической ориентации.

Вторую, вскоре ставшую определяющей, линию воплощали совсем другие люди, пришедшие в партию после захвата ею власти; их лидером стал Сталин. Это были сторонники воссоздания сильной, воинствующей империи, и эти люди не рассматривали мечту о «голубых городах» как проявление реалистической политики. Цинизм и пренебрежение к интересам простых людей были всеподавляющей ориентацией сталинистов. Главным для них был военно-политический результат, обеспеченный мощной военной экономикой. Все, что мешало этому, рассматривалось как вредное.

Победа этой линии была следствием становления после октябрьского переворота новой экономической и социально — политической системы. Это была этакратическая (или стейтистская) система, важнейшим признаком которой являются государственная собственность на средства производства, а во внешней и внутренней политике ведущей является милитаристская ориентация. И в экономике и в политике господствовал слой номенклатуры, или, другими словами, этакраты (генералы и старшие офицеры, партийные работники высокого ранга и работники государственной безопасности).

Политика правящей большевистской элиты

Применительно к Москве цели правящей элиты носили глубоко политический характер. Нужно было создать город — символ побед социализма, который, с одной стороны, был бы Меккой верующих в коммунизм, а с другой — правопреемником и продолжателем имперского прошлого царской России, городом-выставкой

благополучия, кормившимся за счет миллионов заключенных в концентрационных лагерях и укрепленной деревни. Отсюда и стремление к величественным мрачным зданиям, гигантским проспектам, сверкающим станциям метрополитена и т. д. Для этого же в Москву собирали со всей страны лучших актеров, чтобы создать или сохранить несколько эксклюзивных театров.

На самом деле городская среда в Москве была все годы для простого жителя совершенно не развитой. Среди городов с населением свыше 100 тыс. человек Москва по показателям обеспеченности учреждениями сферы услуг и числа мест в них в расчете на 1000 жителей устойчиво занимала 70-ые места (больницы, транспорт, столовые, рестораны, кинотеатры, клубы) (2).

Конечно, руководители государства и местные власти стремились к определенному улучшению положения жителей столицы. Они ставили задачу развития социальной инфраструктуры, но по так называемому остаточному принципу. Суть его состояла в том, что в национальный бюджет практически без ограничений включали свои расходы Министерство обороны, КГБ, девять министерств военно-промышленного комплекса. На все прочие нужды распределялось то, что оставалось после удовлетворения запросов подлинных хозяев Советского Союза. И эти скромные средства тратились неразумно, без учета изменений в технологии досуга, отдыха, охраны здоровья. Перспективы развития понимались как уточнение действующих нормативных показателей на основе экстраполяции уже существующих элементов жизнедеятельности людей, например, увеличения числа театров, кинотеатров, больничных коек и т. д. Не принимались во внимание ставшие обыденными во всем мире персональные компьютеры, кабельное телевидение, видеосистемы, современные средства восстановления и сохранения природной среды, новые методы укрепления здоровья людей. Это была экстраполяция, консервировавшая архаику, реализация которой наносила ущерб жизни и здоровью горожан.

68

Приведу в качестве примера положение дел в здравоохранении. Здесь с особой силой сказалось это инерционное понимание развития. Критериями здесь выступали показатели числа врачей и больничных коек на 1000 жителей, что являлось выражением ресурсно-затратного подхода. Поразительно, что в течение десятилетий никто в официальных кругах не понял, что далеко не всегда улучшение этих показателей повышает потенциал здоровья населения. Обеспечивая рост важных, но по существу промежуточных (или ресурсных) показателей, руководство страны привело к тому, что при первенстве в числе врачей и больничных коек Москва занимает одно из последних мест среди столиц развитых стран по уровню здоровья населения. Парадоксальность ситуации красноречиво подтверждает таблица, данные которой рассчитаны по исходным материалам ООН американской исследовательской группой Дж. Марлина, работавшей в середине 1980-х гг. (3).

По данным того же Дж. Марлина, среди почти 100 учтенных его группой крупных промышленных центров мира Москва имеет более высокую смертность, чем 70 городов, уступает по рождаемости — 53, а по естественному приросту населения — 66 городам. В 60 городах мира из 77 уровень детской смертности ниже, чем в Москве. При этом со временем ситуация в столице России стала относительно хуже, чем даже во многих крупных городах стран “третьего мира”. Например, двадцать лет назад уровень детской смертности в столице Таиланда Бангкоке был вдвое выше, чем в Москве; сейчас же он почти на четверть ниже (17 на 1000 новорожденных). В Сингапуре соответствующий показатель ныне меньше почти в два раза. Характерно, что если в начале 1970-х гг. уровень детской

смертности в Милане, Вене, Монреале, Софии, Варшаве был существенно выше, чем в Москве, то к концу 1980-х гг. он стал значительно ниже (4).

Таблица 1

Состояние здоровья населения в крупных городах мира

Города	Обеспеченность на 1000 жителей			Средняя продолжит. жизни в соот. стране	Смертность населения	
	Больн. койки	Врачи	Средний медперсонал		Общая на 1000 жителей	Детская на 1000 новорожд. до года
Москва	15	10	17	69	12,1	21
Нью-Йорк	7	3	5	75	10,4	16
Лондон	8	5	8	74	11,4	10
Париж	8	4	(8)	75	10,7	12
Токио	8	4	3	77	5,4	6
Гамбург	11	4	6	73	10,0	4,5
Милан	8	3	(2)	73	9,7	15

Для тоталитарного режима здоровье населения не являлось приоритетом управления. К этому добавлялся "отраслевой" (ведомственный) подход к охране здоровья как к задаче медицины. Охрана труда на предприятиях, оздоровительный спорт, экологическое оздоровление города и другие системные элементы социального института охраны здоровья в данном контексте не рассматривались. Между тем, по данным Городского статистического комитета, Московский регион имеет крайне тяжелую экологическую обстановку — более 12 млн. человек проживает в зонах устойчивого загрязнения окружающей среды. Московский регион входит в число 6 наиболее неблагоприятных территорий России по детской смертности, в ряде районов области отмечается повышенная заболеваемость злокачественными новообразованиями, растет хроническая детская заболеваемость, особенно в Москве. Чрезмерная концентрация производства, в том числе взрыво-, пожаро-, экологически опасных объектов, высокая токсичность транспорта, низкий уровень внедрения энерго-, водосберегающих технологий не позволяют уменьшить уровень загрязнения окружающей среды традиционными природоохранными мероприятиями.

Один из исследователей провел сравнение состояния здоровья нашего населения с населением девяти наиболее благополучных стран Европы для 1900 и 1985 гг. Он получил в итоге следующие данные. Детская смертность до одного года была в России в два раза выше, чем в этих девяти странах. Смертность в возрасте 18-70 лет почти не отличалась от показателей западных стран. Зато в Европейской России было в 18 раз больше столетних, чем на Западе (на миллион населения). Такое долгожительство могло обеспечиваться прекрасными природными условиями, беспримерным генофондом, хорошим питанием и т. д. К 1985 г. сравнительное положение россиян стало значительно хуже. Смертность до года стала в три раза больше, чем на Западе, в возрасте 1-4 лет — в семь раз, в возрасте 30-40 лет — в 3,7 раза. "Мы стали нацией больных людей — это грозные признаки подвижки генофонда, величайшей ценности вселенной.... Это главное наследие Октября" (5).

Сложнейшей проблемой для москвичей стала и возможность интересно провести свободное время. Самоорганизация культурной деятельности, предоставление одним лицам возможности брать на себя организацию этой деятельности (в том числе — получая при этом доходы), а другим — участвовать в разнообразных и спонтанно возникающих формах досуга (в том числе — оплачивая свое участие) — вот та линия развития досуговой и культурной активности горожан, которая в принципе не могла быть реализована в советском обществе.

Что же было даровано москвичам, лишенным самоорганизации, своими благодетелями — руководителями партии в сфере досуга? Обратимся к статистике. В 1914 г. в Москве на 1.6 млн. москвичей насчитывалось 20 музеев, 17 театров, 9 клубов (народных домов). К концу 1980-х гг. население города выросло до 9 млн. человек. Получила развитие и инфраструктура досуга, но с существенным отставанием и от роста числа жителей, и от их изменившихся потребностей (см. табл. 2) (6).

Таблица 2

Развитие учреждений досуга в Москве

Учреждения культуры и спортивные сооружения	1930	1940	1950	1960	1965	1970	1975	1980	1986	1987
Театры	26	31	29	25	25	26	25	26	31	39
Музеи	68	60	52	53	57	61	65	63	72	74
Кино-установки	213	485	453	550	816	619	554	522	520	586
В том числе постоянные кино-театры	—	—	65	—	110	118	119	116	123	124
Клубы	154	367	204	363	363	349	320	304	276	296
Массовые библиотеки	557	1280	834	1214	1058	1379	1342	1323	1249	1253
Стадионы	—	29	24 (1956)	46 (1963)	56 (1967)	58	46	52	94	95
Бассейны	—	11 (включая водные станции)	6 (1956)	12 (1963)	22 (1967)	26	25	37	65	66
Теннисные корты	—	—	198	—	238 (1967)	200	185	191	336	482
Спортивные залы	—	54	274	79 (1956)	995 (1963)	1169 (1967)	1335	1484	1876	1912

Из таблицы видно, что за примерно 60 лет (кстати, при росте численности населения в 4 раза) почти не увеличилось число театров, музеев, библиотек.

Если добавить к росту числа жителей резко увеличившуюся маятниковую миграцию из агломерации, на порядок возросший туризм, то станет очевидным застой в развитии инфраструктуры досуга.

Возьмем, например, театры. Если сравнить число зрительных мест в расчете на 1000 жителей в Москве и других городах, то получится такая картина: в Париже — 19,1; в Праге — 12,3; в Тбилиси — 9; в Риге — 8,5; в Кишиневе и Таллине — 8; в Вильнюсе и Алма-Ате — 7, а в Москве — всего лишь менее 5. При этом половина театральных зданий построена в XIX в., треть — в начале XX в. и лишь остальные (примерно 20%) — построены или реконструированы после революции. (7). Обычный москвич никогда в жизни не бывал в знаменитом Большом театре. Билеты туда, как и в другие эксклюзивные театры и на выставки, продавались либо иностранцам за валюту, либо номенклатуре по специальным лимитным книжкам на покупку билетов в театры, кинотеатры, на выставки.

Вот вывод специалистов о состоянии дел с учреждениями культуры и досуга в Москве: “Материальная база индустрии досуга до предела запущена, здания изношены, оборудование безнадежно устарело. Общенациональной бедой стали проблемы Государственной Третьяковской галереи и Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Нуждаются в радикальных спасательных мерах Манеж и Государственный Исторический музей. Притчей во языцех стали сроки капитального ремонта учреждений культуры: театров, концертных залов, музеев. Список терпящих бедствие и взывающих о неотложной помощи объектов культуры и спорта может получиться очень длинным. В нем займут свое место учреждения всех без исключения типов и разных уровней подчиненности — от союзного до районного. Но если подобное характерно для зданий и памятников мирового значения, то в каком же состоянии могут быть обычные городские или тем более районные учреждения? 70 процентов всех помещений музеев и выставочных залов требуют решительных и немедленных мер. В удовлетворительном состоянии находится лишь каждый второй театр, лишь каждое третье детское дошкольное учреждение. Нуждаются в капитальном ремонте и реконструкции 20 процентов всех клубов, библиотек, кинотеатров, концертных залов”. (8).

В Москве из-за убогости городской среды в годы правления Л. Брежнева произошли такие изменения (см. табл. 3):

Таблица 3

Количество посещений на душу населения в год

Годы	Театры	Музеи	Кинотеатры
1970	1,94	2,28	19,4
1985	1,56	1,99	13,3

Лишь 61% опрошенных в 1986 г. молодых москвичей считали, что у них есть реальный доступ к духовным ценностям. Большую часть этих положительно ответивших респондентов следует отнести к оптимистам. На самом деле, подавляющее большинство москвичей лишено реального доступа к духовным ценностям (9).

Характерно, что во всех опросах москвичей, с тех пор как появились исследования общественного мнения, постоянно звучит такой мотив: “Чем центр нехорош, это тем, что совершенно негде спокойно посидеть, поесть и отдохнуть”. Не

хватает таких мест, “чтобы люди могли просто посидеть, вообще погулять”. Горожане испытывают настоящую потребность в местах, хорошо приспособленных для, так сказать, “ничегонеделания”. Речь идет не о постыдном безделье, а о поведении, лишенном четкой функциональной направленности, что совершенно необходимо нормальному человеку (10). Достаточно сесть в автомашину, и вы можете проехать километры мимо домов, в которых нет ни баров, ни клубов, ни дансингов. В том числе и на тех улицах, где все эти места для отдыха и развлечений до революции насчитывались десятками.

Для иностранцев — специальная, рассчитанная на получение твердой валюты система услуг, тоже, кстати говоря, невысокого качества; для элиты — другая, закрытая система благ, услуг, развлечений, а для остальных москвичей — телевизор и встречи на квартирах друг у друга. Все это демагогически прикрывалось надобностью воспитания нового человека, которому нужны не танцы и развлечения, а серьезные, развивающие его занятия.

В какой мере у людей была возможность развивать себя, можно судить по такому факту. За все годы советской власти в Москве был заново построен только один музей — Музей Советской Армии. Еще ряд музеев — Ленина, Истории Революции и т. д., были созданы в дореволюционных зданиях, но это были скорее культовые учреждения, а не очаги культуры. Все остальное, т. е. музеи искусств, основные театры и т. д., — наследие старой России.

Однако досуг в семье и среди друзей был и остается большой проблемой. Если численность населения в Москве к 1956 г. выросла по сравнению с 1926 г. в 4 раза, то жилой фонд — всего лишь в 2 раза. Лишь при Н. Хрущеве с конца 1950-х гг. развернулось массовое строительство жилых домов. По нашим расчетам, к 1990 г. при сохранении политики Хрущева в жилищном строительстве на одного горожанина приходилось бы не 15 кв. м., как это случилось, а 38-39 кв. м. общей площади, т. е. практически СССР вышел бы на уровень стран с высокой обеспеченностью населения жильем. Но, когда Л. Брежнев втянул страну в гонку вооружений, строительство жилья и в стране, и для москвичей пошло на убыль. За последние годы, в связи с общим экономическим развалом, объем жилищного строительства упал почти вдвое. Средний показатель обеспеченности населения Москвы квартирами выше, чем по стране в целом (на 1990 г. — 18 кв. метров против 15 кв. метров) (11). Но для простых людей в других городах положение складывалось даже лучше, так как добавочные метры в столице доставались чиновничеству и элитарной интеллигенции, которые получали лучшие квартиры в экологически благополучных районах города безо всякой дополнительной платы за качество жилья.

Вся эта обстановка привела к деформированному воспроизводству людей. Когда в опросах населения городов мы просили отметить, что респонденты делают во вне рабочее время, то длинный список возможных занятий оказывался почти пуст. Многие даже обижались: разве социологи не знают, на что тратят свое время “простые” горожане? И действительно, по всем многочисленным опросам, начиная с середины 1960-х гг. и поныне, итог был один: почти все время людей уходит на стояние в очередях (население страны тратило на покупку продовольственных и промышленных товаров 36.5 млрд. часов ежегодно), работу на огороде, приготовление пищи, стирку, уборку квартир, уход за детьми с попутным просмотром телепередач. Чтение газет, элементы политической жизни — в большей мере удел мужчин во всех социальных группах. В средней городской семье домашняя нагрузка жены по времени втрое больше, чем мужа. На такое важнейшее дело, как воспитание детей, т. е. прогулки с ними, беседы, обучение музыке,

языкам, приучение к труду, уделяют время лишь около 3% молодых родителей. Что уж говорить о музеях, театрах, спорте, художественном творчестве. Для большинства горожан, даже москвичей и петербуржцев, это воспоминание о юности с ее раскрепощенностью от прозы быта (12).

Все эти условия были вызваны многолетними несоответствиями вложений средств в производство и в развитие человека. Шло экстенсивное воспроизводство социальной структуры. Сохранялся огромный процент работников неквалифицированного труда, отсутствовали предпосылки для полноценного воспроизводства высококвалифицированных рабочих и инженеров, связанных с высокими технологиями, а также творческой и гуманитарной интеллигенции.

В особо тяжелом положении оказалась интеллигенция, в значительной мере лишенная возможности расширенно воспроизводить свою культуру, передавать ее своим детям. Проблема полуобразованности, полуинтеллигентности, на мой взгляд, одно из трагичнейших последствий казарменного "социализма". Из поколения в поколение эти люди мало зарабатывали, теряли вкус к творчеству, де-квалифицировались, утрачивали профессиональные навыки. С начала 1960-х гг. все социологические обследования показывали, что если у рабочих из года в год за время трудовой деятельности росла образованность и квалификация, то деловая карьера интеллигентов была искусственно заторможена.

Москва, собирая со всей страны "сливки" интеллигенции, была не в состоянии обеспечить условия для их нормальной жизни и воспроизводства. Это приводило к снижающейся эффективности труда и к суженному воспроизводству интеллектуального потенциала в последующих поколениях. Лишенные необходимой инфраструктуры для духовного и творческого развития, дети зачастую "не дотягивали" до родителей. Вплоть до августа 1991 г. официальная партийная печать писала, продолжая ленинскую традицию, о "гнилой интеллигенции", "трусливой интеллигенции", "интеллигентиках", о том, что по отношению к интеллигенции рабочий класс выполняет ведущую роль, воспитывает интеллигенцию. Очевидно, что в условиях научно-технологического переворота все это стало преградой на пути развития страны. Это также было важным дополнительным фактором, деформировавшим условия жизни интеллигентных семей.

Чтобы как-то скрыть полное небрежение подлинным благополучием, культурой и духовностью москвичей и в то же время усилить роль Москвы как города-символа, на XXIV съезде КПСС, весной 1971 г., совершенно неожиданно для ученых и пропагандистов, был выдвинут лозунг: "Превратить Москву в образцовый коммунистический город" (13).

Растерянность была огромная, и тогда партийные боссы потребовали от сотрудников Института социологии наполнить этот лозунг каким-то реальным содержанием. Месяц мы ломали себе голову: а что может значить "образцовый город" вообще и "коммунистический образцовый" в частности. Было очевидно, что не только коммунизма, но и нормального порядка и благополучия в этом городе нет и не будет в ближайшие десятилетия. Мы тогда предложили такой подход к объяснению брежневского лозунга. В Москве должны быть с наибольшей полнотой реализованы элементы цивилизованного образа жизни по сравнению с любым другим городом. Развитие Москвы должно предусматривать опережающее, по сравнению с другими городами, совершенствование организации всех сторон жизни. Разрешение социальных проблем образцовым способом предполагает последующую принципиальную применимость использованных технологий для решения проблем других крупных советских городов. В связи с этим были предложены методы и технологии, которые применяются в современном планиро-

вании, проектировании и управлении. Но избавиться от налета демагогии, избежать элементов обмана населения в этих условиях, конечно, не удалось.

Лозунг был выдвинут людьми, делавшими номенклатурную карьеру и не несшими никакой ответственности за его реализацию. В официальных документах партии подчеркивалось, что задача превратить Москву в образцовый коммунистический город является ярким проявлением заботы Центрального Комитета КПСС о развитии столицы, улучшении условий труда, быта и отдыха москвичей. Можно себе представить, каким образом это воспринималось населением. В ту пору было немало анекдотов по поводу "образцовости" и "коммунистичности" Москвы, но они постепенно исчезли, ибо наступили годы жесткого идеологического прессинга, арестов и преследований независимой интеллигенции.

Первые десятилетия своей власти режим контролировал поведение людей через их места работы. Неработающие рассматривались как враги системы, мелкие предприятия, где обеспечить контроль за человеком со стороны правящего аппарата было трудно, постепенно исчезали. Даже булочные и парикмахерские были централизованы в масштабах Москвы и, помимо администрации, получили и своих партийных лидеров. Постепенно люди все более замыкались в семье и кругу друзей.

И тогда-то, в 1980-е гг. в Перовском районе Москвы, где живет более 0,5 млн. человек, был поставлен эксперимент по выработке методов контроля за поведением людей по месту их жительства. Экспериментом руководила секретарь райкома партии, тесно связанная с высшим руководством страны, Г. Ф. Шилова. В марте 1985 г. она защитила по результатам своего опыта диссертацию на ученую степень доктора наук в мозговом центре КПСС — Академии общественных наук. Она предложила ввести должности партийных работников — организаторов быта и досуга по месту жительства людей, которые бы контролировали их поведение, воздействовали на ориентации, чувства. Это абсолютно тоталитарная по своей сути идея была, конечно, разрушительна для общества. Это было то вторжение в жизнь семьи, о котором мечтал еще Сталин. Но, к счастью, этот эксперимент пришелся на новую эпоху и рухнул, как и многое в жизни страны (14).

Важной целью использования Москвы в интересах элиты было превращение ее в центр военно-промышленного и милитаристского комплекса страны. Здесь были сосредоточены многочисленные академии и училища вооруженных сил и КГБ, Генеральный штаб и штабы отдельных родов войск, крупнейшие институты и конструкторские бюро с тысячами и десятками тысяч сотрудников, занятых созданием вооружений, заводы, выпускавшие эту ответственную продукцию. Другими словами, столица России стала столицей имперского милитаризма и военно-промышленного комплекса.

Следствием такой политики явилась сверхконцентрация в Москве интеллектуальных сил нации. Возьмем такой показатель как уровень образования на 1000 занятых. Если принять долю имеющих высшее образование среди всех работающих в СССР за 1, то в Москве эта доля была выше в 2,5 раза. Если в целом по стране в 1988 г. было 1,5 млн. научных работников (включая преподавателей университетов), то более четверти их жили и работали в столице (15). Известно, что в СССР научная элита была сосредоточена в Академии наук. Всего в ней на 1988 г. трудились 62 тыс. научных работников, в том числе докторов наук — 6,6 тыс., кандидатов — 29 тыс. А на Москву приходилось соответственно — 29 тыс., 3,6 тыс., 13 тыс. Другими словами, не менее половины лучших ученых страны были собраны в столице, и занимались они по большей части оборонными задачами. Академия наук СССР в годы после II мировой войны превратилась в ин-

теллектуальный штаб милитаризма. Лишь 4% своих средств Академия расходовала на гуманитарные науки, да и то, по преимуществу, на идеологическое обеспечение стабильности политического режима (16).

Зачем нужно было сконцентрировать “мозги нации” в столице? Это делалось, чтобы обеспечить надежный политический контроль за такими малопредсказуемыми в своих настроениях и поведении людьми как ученые, и чтобы дать им в то же время определенную степень свободы, что при тоталитарном режиме нельзя сделать вне столицы; опека местных партийных лидеров была смертоубийственной для интеллигенции. Это хорошо показывает и ситуация в Ставропольском крае, где долгие годы абсолютной властью обладал М. Горбачев — либерал в Москве и душитель свобод в Ставрополье.

Важной целью руководства страны было обеспечить себе в Москве стабильную общественно-политическую ситуацию, иметь в городе верноподданных, слепо верящих вождям. Для этого в столице из года в год возрастало значение промышленного производства, в основном поточного или конвейерного. Судя по переписи населения 1989 года, в Москве трудились около 2,5 млн. рабочих при общем числе занятых — 4,9 млн. человек. Из них — 600 тыс. неквалифицированных рабочих. (17).

Эта рабочая сила в основном и поныне состоит из мигрантов первого, максимум второго поколения. Приезжали они из гибнущих деревень и небольших русских городов. Значительная часть образовала маргинализованные слои населения, согласные выполнять любую работу и жить в более чем скромных условиях. Нищенское общежитие с койками на 10, 15, 20 человек вполне устраивало первое поколение переселенцев в Москву (1920-е — 1940-е гг.). Они с гордостью воспринимали, что к ним относились как к важным персонам, социальной опоре режима. Эти люди мало того, что были непритязательны в своих потребностях, они не только не улучшали городскую среду и не участвовали в процессах ее совершенствования и даже сбережения, они сами разрушительно действовали по отношению к этой среде, поскольку их потребности были неадекватны даже тем жалким элементам городской культурной среды, которые присутствовали в Москве. Им нужна была другая Москва — Москва митингов, партийных собраний и манифестаций, где они чувствовали себя затерянной единицей в массе таких же как они маргиналов, над ними возвышался бог, вождь, и неважно, носил ли он фамилию Сталин, или какую-либо другую. Им нужна была диктатура, ибо в этих условиях они могли выступать как верные псы режима, уничтожая, затаптывая чуждых им индивидуалистов-интеллигентов и по-настоящему квалифицированных и образованных рабочих.

С другой стороны, элита имела в Москве вторую, массовую и очень влиятельную опору — чиновничество, разветвленный аппарат. На момент последней переписи населения (1989 г.) в столице было 15,1 тыс. руководящих партийных работников; 22 тыс. руководителей государственного управления (Советы Министров СССР и РСФСР, министерства, аппарат Верховных Советов СССР и РСФСР и т. д.); 195 тыс. Руководителей предприятий, хозяйственных организаций, научных и проектных институтов и т. д. Я не говорю уже о генералитете и старших офицерах армии и КГБ, численность которых в Москве пока еще не установлена, но предположительно это не менее 30-40 тыс. человек. Это еще не полный перечень московской номенклатуры. Можно вполне оценить ее численность в 300 тыс. человек. Добавим членов семей, обслуживающий персонал, зависимых и пользующихся мелкими подачками людей — мы опять-таки получим огромную цифру — между 0,7 и 1,0 млн. человек (18).

Своими детьми они не обеспечивали заполнение рабочих мест “обычного” труда. И речь идет не только о труде полуквалифицированном и средней квалификации. Воспитание строилось зачастую так, что даже труд учителя, экономиста, инженера на производстве, в НИИ и КБ представлялся “недостойным”. Приемлемой считалась только работа в дипломатических органах, в организациях, связанных с поездками за границу, в учреждениях чисто гуманитарного профиля и т. д. Поскольку доля и самой элиты (номенклатуры), и подрастающего поколения была значительной, они оказывали во многом деструктивное влияние на городскую молодежь.

Именно Москва была и остается местом постоянного проживания крупных чиновников и руководителей высшего ранга из провинций. Когда их отправляли работать на периферию, то они знали, что для них зарезервированы эксклюзивные квартиры в престижных домах. В Москве годами пустовали десятки тысяч квартир в ожидании своих будущих хозяев, которым это не стоило ни рубля. И в то же время сотни тысяч бездомных не знали, где им жить.

В итоге мы обнаруживаем весьма своеобразный социальный состав москвичей, в котором сравнительно малочисленны средние слои, а чрезмерно представлены крайние социальные группы, имеющие во многом сходные интересы.

Для обеспечения надежного управления городом Москва была разделена на районы. В последние годы численность населения районов составляла в среднем около 300 тыс. человек. Это были особые районы, совсем не с теми правами и возможностями, что в других местах страны. Во-первых, “вожди” районов, первые секретари районных комитетов КПСС, обладали властью на том же уровне, что и руководители областей, т. е. были по своим правам и рангу приравнены к последним. Руководители московских районов делали особо быструю карьеру и легко попадали в число привилегированных чиновников из высших слоев номенклатуры страны, нередко они становились членами политбюро КПСС. Такова была, например, карьера Н. Хрущева. Во-вторых, районы эти не были историческими частями города, их выделяли искусственно, по политическим соображениям. Смысл состоял в том, чтобы обеспечить оптимум управляемости населением и организациями при примерном равенстве числа членов партии и материальных ресурсов управляющих, т. е. гарантировать политический контроль. Для этого, например, в район традиционного проживания интеллигенции обязательно включали крупные заводы, которые служили еще и финансовой опорой партийных комитетов.

В результате такого политизированного управления развитие столицы десятилетиями шло неестественно. Москва стала больным городом, с ненормальными социальными и отраслевыми пропорциями, с нарушенным балансом между развитием социальной инфраструктуры и социальным и культурным воспроизводством населения. Ведь концентрируя в себе творческую мощь страны, ее интеллектуальные силы, Москва практически разрушала накопленный творческий потенциал нации, не создавая предпосылок для воспроизведения его в следующем поколении.

Практика демократов — город для богатых?

Я думаю, что первое крупное столкновение между сторонниками тоталитарного режима, с одной стороны, и формирующейся оппозиции, с другой, по поводу судеб Москвы произошло в 1985-1986 гг. при обсуждении Генерального плана развития столицы, подготовленного под руководством члена политбюро партии,

первого секретаря Московского горкома КПСС В. Гришина. Мне пришлось руководить одной из групп Экспертной государственной комиссии, возглавлявшейся академиком С. Шаталиным.

Эта партийная концепция развития Москвы состояла в том, чтобы сохранить ее как город преимущественно массового промышленного производства. Более того, в плане предполагалось до 2010 г. уменьшить долю лиц высококвалифицированного научно-технического труда в составе населения. Так, планировалось сократить абсолютную численность занятых в московской науке на 4%, и прежде всего, резко сократить численность работников Академии наук. Также предполагалось на 12% уменьшить численность студентов в московских вузах, и это в условиях, когда на большей части территории страны качество образования резко отставало от московского уровня.

Какова была мотивация таких решений? Говорилось демагогически о надобности более равномерного размещения интеллектуальных сил в стране. В то же время предполагалось сберечь малоквалифицированную часть работников. Например, планом было предусмотрено сохранить на уровне 1980 г. количество москвичей, занятых в материальном производстве (55%); сохранить долю рабочих индустриального производства на уровне 45%. Было предложено оставить на 2010 г. около 300 тыс. неквалифицированных рабочих в городе против, примерно, 400 тыс. к 1980 г. Еще более странным выглядел экстраполяционный расчет динамики образовательной структуры москвичей. Предполагалось, что в 2010 г. 25% населения Москвы сохранит образование ниже полного среднего. Даже на 2050 год, дата, конечно выходящая за рамки разумных экстраполяций, была сохранена та же цифра — 25% лиц без среднего образования. Говорилось так: «А кто же улицы будет убирать?» Смысл этих проектировок был очевиден — нужна была не столица, которая ведет страну в информационное общество, а город — социальная опора незыблемости режима.

К счастью, дискуссия шла в 1985-1986 гг. Когда эксперты дали отрицательный отзыв, партийное руководство Москвы (первый секретарь Московского комитета партии — В. Гришин) решило их весьма жестоко наказать. Вмешался М. Горбачев и спас нас от расправы. Сам факт, что большая группа интеллектуалов (в комиссии было около 100 человек), пошла на решительный разрыв с влиятельными партийными боссами, был весьма симптоматичным, свидетельствовал о полном кризисе системы.

Как же позднее развивались события? В октябре 1987 г. политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос о перспективах развития Москвы. Все еще всевластные хозяева страны — лидеры партии частично учли предложения экспертов. Они признали целесообразным сконцентрировать мощности строительных организаций на сооружении объектов, непосредственно связанных с ускорением научно-технического прогресса, обслуживанием населения, обеспечением дальнейшего развития городского хозяйства столицы и материальной базы культуры. Был отменен ряд ранее принятых решений о строительстве в Москве промышленных предприятий и административных зданий. В дальнейшем сооружение таких объектов могло быть разрешено только при необходимости проведения их технического перевооружения и создания нормальных условий для работы при сокращении рабочих мест и численности работников (19).

Однако чиновничья инерция и кастовые интересы привели к тому, что в подготовленном тогда московскими властями документе «Концепция развития Москвы и Московской области на период до 2010 года» сохранилась преемственность с духом и направленностью документов времен Брежнева — Гришина. Также го-

ворилось об успехах и благополучном в целом положении Москвы и москвичей. Снова повторялись идеи о выравнивании условий жизни людей из разных социальных групп и проживающих на разных территориях, прикрывавшие полностью сохранявшиеся привилегии и блага элиты. Предлагалось наращивать производство без структурной перестройки экономики Московского региона, за счет технической реконструкции существующих предприятий с выводом из города лишь экологически особо вредных производств. Сохранялась традиционная для теории и практики большевизма идея о преимущественном развитии крупных предприятий. Ни слова не говорилось (несмотря на материалы, представленные экспертами) о деформированном социальном составе населения города: об избыточной чиновничьей массе, о перспективах развития средних слоев, о судьбах социальных низов. Вновь проводилась идея о надобности "сокращения занятых в науке и научном обслуживании в Москве". Самым же традиционалистским и негативным моментом в этом последнем из документов по развитию столицы, подготовленном при правлении КПСС, был патернализм, восприятие горожан как объект, а не субъект управления, стремление "дать" им, неразумным "детям", то, что целесообразно с точки зрения "отцов" — управителей. Как и в прежние годы, не предполагалось никакой самоорганизации населения, никаких альтернатив для свободного выбора.

Новый этап в развитии России и Москвы начался не в 1985 г., а с августа 1991 г. Более шести лет отходила от страха и неверия в себя страна, потерявшая в годы тоталитаризма около 90 млн. убитых и умерших в концентрационных лагерях, в войнах и от голода 1921-1922, 1932-1933, 1946 гг. (при населении в 1917 г. около 150 млн. человек).

Август 1991 г. закончился разгромом реакции в столице. Началась борьба за демократизацию и дебольшевизацию страны. На стороне народно-демократической революции выступили, прежде всего, новые социально-экономические силы: предприниматели, банкиры, кооператоры, работники совместных предприятий. Именно в Москве их доля в населении была уже заметна — примерно 10-12 % (около 600 тыс. активных работников) от общей численности москвичей. Это преимущественно люди до 30 лет. Вместе с ними выступила интеллигенция всех возрастов и часть образованных рабочих с государственных предприятий. Основная масса рабочих, занятых на крупных заводах, формально была нейтральной, но объективно тяготела к путчистам, оказывая им пассивную поддержку (по результатам общественных опросов это было около 40 % москвичей). Но в революциях, как известно, побеждает не арифметическое большинство. Здесь сказалась высшая математика: борьба нового со старым, завтрашнего со вчерашним.

Пришло время демократам платить по векселям, оправдать свой приход к власти. Но у демократов, к сожалению, не было и нет целостной программы развития Москвы, способной объединить их самих.

Что же произойдет в ближайшее будущее с великим городом, столицей России, городом, относящимся к крупнейшим городам мира, сыгравшим огромную роль в истории мировой культуры?

Прежде всего, я думаю, Москва будет отныне столицей России и только России. Маловероятным представляется возрождение империи как в виде унитарного "союзного" государства, так и в виде федерального государства, хотя и поныне сторонники реставрации представляют собой влиятельные политические силы не только в России. Что касается разнообразных межгосударственных объединений, то широкие круги общественности все более склоняются к тому, что не в Москве им место. Нельзя перегружать этот огромный и больной город чиновничеством и сложными взаимоотношениями между чиновниками разных уровней.

Во-вторых, в Москве погибнет значительная часть ее крупной промышленности. За последние десятилетия Москва с округой сосредоточила наиболее мощный в Восточной Европе промышленный потенциал. Однако, экстенсивное развитие экономики с сохранением устаревшей отраслевой структуры и мест приложения труда привели к инерционному развитию. Символами Москвы по-прежнему остаются гигантские предприятия металлургической, текстильной, автомобильной промышленности, т. е. предприятия с производствами повышенной трудоемкости. Достаточно сказать, что с 1970 по 1990 г. численность занятых в промышленности увеличилась на 19%, тогда как по Генеральному плану развития Москвы, утвержденному в 1971 г., предполагалось увеличение на 6%. Физическое и моральное старение основных фондов промышленных предприятий столицы сделало экономически нецелесообразным, а зачастую и невозможным внедрение новых чистых технологий и проведение природоохранных мер. Ориентированная в основном на массовое, поточное изготовление серийной продукции и использование малоквалифицированной рабочей силы (доля ручного труда составляет 38%), промышленность Московского региона требует привлечения все больше водных, энергетических, сырьевых и материальных ресурсов (20). Предприятия эти старого типа (менее 30 % оборудования в возрасте до пяти лет; удельный вес продукции машиностроения, соответствующей мировому уровню, составляет 27%), они были нерентабельны, на что закрывали глаза, но теперь в Москве им все же места не будет. Это потребует какого-то периода времени, но тем не менее, это так.

В-третьих, бесспорно, именно в Москве и вокруг Москвы получит широкое развитие венчурное производство на основе московского венчурного капитала. Наши коммерческие банки традиционно сосредоточены, как это было и до 1917 г., в Москве и Петербурге. Эти банки уже вкладывают средства в развитие производств высокой технологии и производство интеллектуального продукта. Последнее представляется особенно важным, потому что уровень развития фундаментальных естественных наук и математики в России достаточно высок. Есть все основания предположить, что доля интеллектуального продукта в совокупном национальном продукте у нас будет возрастать.

В-четвертых, чрезвычайно сложной проблемой является преодоление функциональной неграмотности миллионов людей, в свое время вовлеченных в Москву, которым нет теперь места ни в провинции, ни в столице. Облегчает положение то, что в городе не развито коммунальное хозяйство, общественный транспорт, примерно в 10 раз нужно увеличить число посадочных мест в столовых и ресторанах, увеличить количество магазинов и т. д. Тем не менее, не просто из металлурга сделать торговца, а из сборщика деталей — уборщика улиц. Но других путей нет.

Мы также предполагаем, что численность населения Москвы существенно уменьшится: с почти 10 млн. жителей города сегодня до 6-7 млн. жителей к 2010 г. за счет оттока части населения и сокращения притока, который ранее составлял от 100 до 200 тыс. ежегодно. Процесс уменьшения численности москвичей начался в 1991 г. По примерным расчетам, за 1991-1992 гг. город уже потерял около 150-200 тыс. жителей.

Москва стала дорогим для жизни городом. Цены на продовольствие, медикаменты, товары повседневного спроса значительно выше, чем в среднем по стране. А ведь прежде Москва и москвичи жили в особых условиях. Именно здесь всегда можно было купить все необходимое по низким государственным ценам. Сюда, в столицу, доставлялась основная масса импортных товаров. Жители всей

остальной России, преимущественно покупавшие продукты и вещи на рынках и у спекулянтов, смотрели на москвичей как на баловней судьбы. Переехать жить в Москву считалось большой удачей. Современная же Москва, помимо дороговизны, стала неблагополучным городом и из-за отсутствия свободных рабочих мест. Структурная безработица — реальный факт городской жизни. Сравнительно малое число зарегистрированных безработных — следствие боязни людей находиться в этом статусе. Родственники, знакомые в таких случаях помогают оформиться работниками частных и кооперативных организаций без заработной платы (“по дружбе”), уйти в длительный отпуск (опять-таки безо всякого содержания) и т. д., только бы не считаться безработными. Кроме того, рядовой москвич лишился всякой надежды решить свои жилищные проблемы. Все больше квартир поступает в продажу, и все меньше можно получить от органов местной власти бесплатно. Цены же на квартиры при нищенской заработной плате достигли фантастических для России величин. Так, даже на окраине города двухкомнатная квартира стоит не менее 40-50 тыс. долларов. Город для простого рабочего или служащего стал чужим и недоступным.

Суть событий после августа 1991 г. в Москве, как и во всей стране, сводится к острейшей борьбе в сфере экономики и политики, борьбе за власть и обладание собственностью. Надо заметить, что сторонники сохранения старого типа административных отношений, сторонники социализма советского образца стали участвовать в этой борьбе с большим запозданием, но их влияние по мере спада уровня жизни какое-то время росло.

Для того, чтобы упредить реставрацию большевизма, московские власти после августа 1991 г. предприняли шаги по укреплению исполнительных органов управления. Управление Министерства безопасности России по Москве и Московской области возглавил известный деятель демократического движения Е. Савостьянов, Московское управление внутренних дел — А. Мурашов, один из руководителей движения “Демократическая Россия”. Это позволило во многих отношениях усилить позиции демократов в Москве.

Ключевой проблемой стала приватизация. Точнее — пути ее проведения. Первое столкновение интересов произошло осенью 1991 г. по вопросу приватизации жилья. Первоначальный замысел, утвержденный Моссоветом, был весьма демократичен. Вводился максимум жилищной нормы, которым фактически обладали все москвичи, за вычетом элиты. Такие квартиры должны были перейти в частную собственность бесплатно. Те, кто арендовал у государства большие по размеру квартиры, должны были вносить значительные суммы денег за сверхнормативную часть своего жилища. Но мэр города (Г. Попов) и правительство Москвы добились в интересах элиты (старой номенклатуры) бесплатной приватизации любой квартиры. Я опускаю их аргументы, столь циничны и удивительны они были.

Такая же борьба развернулась в ходе приватизации небольших предприятий сферы услуг. Здесь было сделано все возможное, чтобы контрольный пакет акций попал в руки прежних руководителей подсистем обслуживания, т. е. опять-таки представителей старой номенклатуры, ранее контролировавших систему централизованного распределения. В “новые” руки, т. е. людям со стороны, или рядовым работникам торговли, парикмахерских, химчисток и т. д. не попало почти ничего. Другими словами, потерпев политическое поражение, лишившись старых позиций во властной иерархии, номенклатура выиграла многие имевшие место быть баталии в борьбе за собственность. И во главе этого процесса приватизации по-московски стоял и стоит один и тот же человек — Ю. Лужков, сначала вице-

мэр, а с начала 1992 г. — мэр столицы. По многократно приводившимся в печати сведениям, господин мэр реально владеет огромной личной собственностью, контролирует мощные коммерческие структуры (21).

Одним из направлений борьбы между старой номенклатурой и новыми властями Москвы стал вопрос о создании Московского столичного округа, т. е. о формировании единой системы управления реально существующей гигантской агломерацией. Приведу основные данные о ней по материалам, полученным в Институте Генерального плана Москвы. Московский регион занимает 47 тыс. кв. км. (0,3% России), численность населения — около 16 млн. человек (10,6% России). На территории региона расположено 73 города, 177 поселков городского типа и 6 тыс. сельских населенных пунктов. В 1991 г. численность городского населения региона превысила 14 млн. человек, из них 9 млн. человек — в административных границах Москвы и более 5 млн. — в городских поселениях Московской области. Удельный вес городского населения в регионе превысил 90% и является самым высоким среди областей России. В народнохозяйственном комплексе региона занято свыше 8 млн. работающих. Ведущими отраслями являются промышленность, наука и научное обслуживание, высшая школа, управление и сельское хозяйство (для Московской области). Доля Москвы в регионе составляет: в численности населения — 57%, рабочих и служащих — 63%, промышленно-производственного персонала — 53%, занятых в науке — 76%, численности студентов вузов — 88%, объеме розничного товарооборота — 77%, объеме капитальных вложений — 60%.

Разделение управления этим целостным комплексом в 1930-е годы было связано опять-таки с политическими соображениями, дабы обеспечить особый статус партийных органов Москвы, особые условия жизнедеятельности населения столицы со всеми привилегиями, системой обеспечения порядка и стабильности и т. д.

В ноябре 1991 г. был подготовлен (департаментом мэра Москвы) закон об образовании Московского столичного округа. Округ должен был состоять из относительно небольших общин, располагающих муниципальной собственностью на жилой и нежилой фонды, с правом распоряжения землей, со своей налоговой системой. Авторы подчеркивали, что они стремились повторить западный опыт, где нет государственного патернализма, а люди сами заботятся о себе. Но Закон не был принят.

Противниками такого объединения выступили влиятельные круги Московской области, в том числе 75% депутатов областного совета. Никаких привилегий у столицы к этому времени не осталось. Зато в Подмосковье сохранилась земля под строительство домов, создание фермерских хозяйств. Вопрос теперь заключается в том, кому будет принадлежать эта земля, и кто сумеет воспользоваться ею в условиях рыночных отношений и приватизации. Объединение с Москвой означает для местной номенклатуры надобность делиться потенциальной прибылью от операций с землей, т. е. сдачей ее в аренду, фактическим присвоением.

Крупной проблемой является выбор направления жилищного строительства. Я уже говорил о коммунистических утопиях, по существу антисемейной политике в развитии городов. С 1960 по 1988 г. в стране объем строительства отдельных домов для семей упал в три раза, доля индивидуального строительства в составе нового вводимого жилища уменьшилась с 53% до 15% (22). Система хотела полной зависимости людей от себя, от государства, свой дом у человека был символом его независимости. Сейчас возвращается идея семейного дома для москвичей. Свободные земли под застройку найдены. Президент Б. Ельцин еще в феврале 1992 г. издал Указ, по которому Москве передано под коттеджное стро-

ительство 40 тыс. га земли в пятидесятикилометровой зоне от города. Предполагается, что на месте обезлюдивших деревень и на заброшенных участках будут строиться малоэтажные городки. Причем семья по желанию может выбрать для себя одно-, двух-, трехэтажный дом площадью от 200 до 300 кв. метров, с гаражом и другими вспомогательными помещениями. Для осуществления этого проекта привлечены частные капиталы, созданы частные строительные компании (23). Пока стоимость такого дома делает его доступным только богатой части горожан, но есть перспективы изменить ситуацию в будущем. России нужны люди, выросшие в близости к природе, в своем родовом гнезде, привязанные к своей малой родине, чтобы навсегда умерла песня со словами: "Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз".

82

Романтики революционных лет мечтали о необычайных городах — садах на основе ликвидации частной собственности на землю и недвижимость, а потомки их получили в наследство города — спальные вагоны при заводах, экологически запущенные, с большим населением, дурно застроенные, в которых люди считают чужим все, что находится за порогом их квартир. Таков итог отказа от следования путем, который вел европейскую цивилизацию от греческого полиса через городские коммуны средневековья к современным самоорганизующимся субъектам городской жизни. И движителем этого прогресса был именно индивидуум, причем независимый, поскольку владел собственностью хотя бы на свою рабочую силу. Другими словами, ренессанс Москвы, как и других русских городов, будет возможен в демократическом обществе собственников, для которых город — конструируемая ими самими среда самовоспроизводства и саморазвития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Милютин Н. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. М., 1930; Из истории советской архитектуры 1921-1925 гг. Документы и материалы / Под ред. В. Э. Хазановой. М., 1963; Соколов Н. Город будущего в теории советского градостроительства // Социологические исследования города. М., 1969. С. 144-165; Иконников А. В. Архитектура Москвы. XX век. М., 1984; Колодный Л. Москва у нас одна. М., 1991.
2. Авторский расчет.
3. Куварин В. Гримасы социального планирования // Знамя. 1989. № 3. С. 232, 233.
4. Там же. С. 233; Куварин В. Субурбанизация за рубежом и перспективы развития Москвы // Архитектура и строительство Москвы. № 12. С. 2.
5. Лебедев О. Итог Октября // Знание — сила. 1992. № 5-7. С. 62-64.
6. Гимпельсон В. Е., Шпилько С. П., Штыров В. Н. Москвичи после работы. Социально-экономические аспекты сферы досуга. М., 1990. С. 57.
7. Советская Россия. 15 июля 1986.
8. Гимпельсон В. Е., Шпилько С. П., Штыров В. Н. Указ. Раб. С. 53.
9. Гимпельсон В. Е., Шпилько С. П. Хорошо ли организован досуг москвичей? // Социологические исследования. 1987. № 7. С. 51.
10. Каганов Г. Говорит москвич // Знание — сила. 1987. № 4. С. 57-63.
11. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 194; Москва в цифрах. 1989. Статистический ежегодник. М., 1990. С. 168.

12. Народное хозяйство СССР в 1986 г. Статистический ежегодник. М., 1987. С. 384-387; Гимпельсон В. Е., Козлов В. В., Рутгайзер В. М. Вне рабочее время населения Москвы: типология и дифференциация // Социологические исследования. 1986. № 1. С. 73-81; Дубнов Д. И., Рутгайзер В. М., Шмаров А. И. Бюджет времени населения. М., 1984. С. 102.
13. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 144.
14. Шилова Г. Политико-воспитательная работа по месту жительства. Опыт и проблемы. М., 1983; ее же. Идеино-воспитательная работа по месту жительства в современных условиях и пути ее совершенствования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Академия общественных наук при ЦК КПСС. М., 1984.
15. Листенгурт Ф. Проблемы интенсификации урбанизации как фактор общественного развития // Вопросы философии. 1985. № 6. С. 24; Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. М., 1989. С. 277.
16. Народное хозяйство в 1988 г. С. 276; Москва в цифрах. 1988. Статистический ежегодник. М., 1988. С. 25.
17. Данные рассчитаны по неопубликованным материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.
18. Там же.
19. Правда. 16 октября 1987.
20. Данные получены в Институте Генплана Москвы.
21. Известия. 4 декабря 1991; Куранты. 27 ноября 1991; там же. 21 декабря 1991; там же. 25 апреля 1992; там же. 26 августа 1992; там же. 27 августа 1992; там же. 10 октября 1992; Литературная газета. 4 декабря 1991; там же. 10 июня 1992; Независимая газета. 3 декабря 1991, и др.
22. Правда. 16 февраля 1988.
23. Известия. 3 марта 1992; Куранты. 26 мая 1992.